

Михаил Дымшиц

Перлюстрационная советская социология 1922–1959 гг.

Михаил Наумович Дымшиц, директор консультационной компании «Дымшиц и партнеры», Москва, Россия.

ORCID: 0009-0002-0638-8213

Электронная почта: mdymshits@dnpru

Аннотация

Статья посвящена истории советской социологии 1920–1950-х годов, а также ее интерпретации и влиянию в последующие десятилетия. Автор ставит под сомнение утверждения об отсутствии конкретных социологических исследований в СССР в 1930–1950-е годы, приводя примеры опубликованных работ. В статье предлагается рассматривать отчеты органов государственной безопасности как ценный социологический источник. Эти документы формировались на основе отчетов секретных сотрудников (сексотов) и перлюстрации почтовой корреспонденции. Подобные наблюдения носили выборочный характер в 1922–1941 и 1946–1959 годах и сплошной в 1941–1945 годах; перлюстрация международной корреспонденции оставалась тотальной вплоть до 1969 года.

С социологической точки зрения, работа сексотов может рассматриваться как аналог метода «включенного наблюдения», а при перлюстрации фактически применялись методы контент-анализа, в том числе на основе специальных кодировочных инструкций. Сохранившиеся отчеты перлюстраторов и цензоров представляют собой уникальные документы, отражающие состояние общественного мнения в СССР в указанный период. Автор предлагает выделить в истории советской социологии особый — «сексотно-перлюстрационный» — период исследований.

Ключевые слова: история советской социологии, цензура, военная цензура, перлюстрация, методы изучения общественного мнения, конкретные социологические исследования, исторический материализм, контент-анализ, органы государственной безопасности, ВЧК, ОГПУ, НКВД, НКГБ, КГБ, письменная почтовая корреспонденция

Для цитирования: Дымшиц, М. Н. Перлюстрационная советская социология 1922-1959 гг. // Социология заботы. 2026. Т. 1. № 2. С. 73–104.

История советской социологии с 1923 по 1956 год на протяжении предыдущих трех десятилетий являлась ареной не столько ожесточенной, сколько настойчивой борьбы нескольких подходов, в ретроспективе выглядящей как «борьба за первородство» [Тощенко, 2021; Докторов, 2023]. Крайнюю позицию — об отсутствии социологии с начала 1930-х годов до рубежа 1950-1960-х годов — занимает Г. Е. Зборовский [Зборовский, 2015]. Однако доминирует более широкий спектр мнений: от утверждений, что «к рубежу 20-30-х годов социология практически стала свертываться и фактически была заменена абстрактно-упрощенной системой догм и апологетики» [История становления, 1989], до указаний на гонения «с конца 30-х годов» или, в более мягкой форме, на то, что «с конца 1930-х годов социология “выпала” из системы обществоведения на несколько десятилетий» [Горшков, 2017]. Встречаются и вовсе спорные утверждения, например, что «на изучение конкретных процессов и явлений социальной жизни и на само понятие “социология” был наложен строжайший запрет» [Осипов, 2008]. В этой статье вообще много фактических ошибок; еще больше их в его следующей работе [Осипов, 2012], подробно разобранный Капто [Капто, 2018], хотя и последняя не лишена недостатков в описании событий 1930–1940-х годов.

Если оставить в стороне наиболее уязвимые позиции, то высказывания остальных авторов выглядят, как минимум, неполными, а порой и упрощенными. Между тем еще в 1989 году Р. Л. Винкер, З. Т. Голенкова и Ю. В. Гридчин в статье «Становление и развитие марксистско-ленинской социологии в 20-30-е годы» [История становления, 1989, с. 8–42] довольно подробно и последовательно описали как теоретические дискуссии, так и направления эмпирических исследований довоенного периода. Однако последующее обсуждение проблемы носило эклектичный характер, отчасти из-за того, что под «социологией» понимали разное: от теоретизирова-

ния до того, что позже стали называть (и нередко называют до сих пор) «конкретными социологическими исследованиями».

С точки зрения самих социологов, эти разграничения важны, но для широкой гуманитарной общественности такая «борьба за кафедру» глубоко безразлична: ее интересует прежде всего наличие содержательной социологической информации о том или ином периоде. Вопрос же о наличии такой информации в дискуссиях самих социологов практически отсутствует либо упоминается вскользь. В серии биографических интервью Б.З. Докторова многие респонденты признавались в неосведомленности о российской социологии 1920–1930-х годов, что извиняет их лишь отчасти, поскольку соответствующая литература поступила в открытые библиотечные фонды еще во второй половине 1980-х годов.

Последовательный анализ институционализации социологии в СССР в 1920–1950-е годы показывает: теоретическая социология никогда не была объектом ни систематических гонений, ни полного игнорирования. Эмпирические же социологические исследования с начала 1930-х до конца 1950-х годов действительно проводились крайне редко (например, исследования рабочей молодежи 1936 года и колхозной молодежи 1938 года) [Социальный облик, 1976, 1980]. Отраслевые исследования, хотя и в гораздо меньшем объеме, чем в 1920-е годы, продолжались, но публиковались еще реже. Однако собственно социологическая информация в этот период все же собиралась — пусть и с использованием специфических методов «подглядывания, подслушивания и чтения писем из-за плеча» в рамках систематически проводившейся перлюстрации (в 1941–1945 годах — открытой военной цензуры). Упоминания об этом в социологической литературе встречаются, например, со ссылками на работы В.С. Измозика [Измозик, 1995, 2021]. В книге «Социология в России» весь интересующий нас период уместился в полторы страницы параграфа «Социальные обследования и политический контроль», где констатируется, что «использовались сеть осведомителей (своего рода включенное наблюдение), перлюстрация переписки и, конечно же, то, что сегодня называют “анализом случая”» [Социология в России, 1998, с. 32]. Эта формулировка дословно повторяется и в ряде других публикаций.

Как бы ни оценивать подобную деятельность с правовой и моральной точек зрения, методически эти приемы — от наблюдения и «включенного наблюдения» до контент-анализа личных документов — не отличаются от тех, что используются в академических исследованиях. Порой они сопоставимы даже по уровню методической подготовки «исследователей». И если в исторической науке обращение к таким материалам в последние десятилетия стало обычной практикой, то российские социологи по-прежнему их игнорируют.

«Социология» как теория никогда в СССР не попадала в опалу, однако она утратила свою недолгую кафедральную самостоятельность, будучи поглощенной «историческим материализмом». «Социология, общее учение об обществе в марксизме <...> выражена в учении исторического материализма или материалистического понимания истории. <...> Только марксизм поставил социологию на ступень науки (Ленин)», — сообщала Малая советская энциклопедия в 1941 году [Малая советская энциклопедия, 1941, с. 250–252]. В Большой советской энциклопедии статья «Социология» (автор М. Баскин) утверждала: «Единственной правильной и подлинно научной теорией общественного развития является созданный Марксом и Энгельсом и развитый Лениным и Сталиным исторический материализм» [Большая советская энциклопедия, 1947, с. 309–325]. Там же указывалось, что термин «социология» употребляется также для обозначения учений об отдельных отраслях науки об обществе. При этом в рекламном объявлении о приеме в аспирантуру Института философии АН СССР, опубликованном в журнале «Вопросы философии» № 1 за 1948 год, фигурировала специальность «Современная зарубежная философия и социология». В опубликованном в том же номере проекте программы по историческому материализму присутствовали пункты: «Вопросы социологии в русской классической философии XIX века», «Критика учений буржуазных социологов...», «Критика Лениным буржуазного объективизма в социологии», «Критика современной буржуазной социологии», а также обсуждение вопросов классовой структуры СССР и, вплоть до «Повышения роли субъективного фактора в социалистическом обществе». Таким образом, само понятие социологии сохранялось в офици-

альном дискурсе, будучи либо отождествляемым с историческим материализмом, либо выносимым на поле критики «буржуазных» теорий.

«Включенность» социологии в исторический материализм делала практически невозможной содержательную теоретическую работу: марксизм, тем более в его официальной версии марксизма-ленинизма, был ориентирован не на изучение «текущего момента», а на подтверждение уже заданных схем. Как совершенно справедливо отмечает Л. А. Козлова, «предлагалось изучать не то, что есть в реальном обществе, а то, что должно быть построено» [Козлова, 2016]. Эта установка имела давнюю традицию в марксизме, а в советской практике получила законченное выражение в концепции социалистического реализма, где реальность следовало изображать не такой, какова она есть, а такой, какой она должна быть. Теория Маркса подвергалась критике как неподтверждаемая реальными социально-экономическими процессами с первых лет своего существования. Чаще всего объектом критики становился тезис об обнищании пролетариата — как относительном [Маркс, 1953, с. 650], так и абсолютном [Ленин, 1968, с. 405–406], — который вне войн и революций никогда не находил эмпирического подтверждения. Расхождение между теорией и жизнью порождало ревизионистские течения и соответствующую политическую практику (профсоюзное движение, немецкий ревизионизм и т. д.). Внутри марксистской традиции эта проблема обсуждалась в логике «не верь глазам своим», однако в советских условиях ситуация усугублялась тем, что уровень жизни рабочих в СССР вплоть до середины 1960-х годов так и не достиг показателей 1913 года, а коллективизация и индустриализация с 1929 года резко ухудшили положение всех групп населения. Власть избегала любых исследований на эту тему, а данные статистики с начала 1930-х годов либо засекречивались, либо «замусоривались» расчетами так называемых фондов общественного потребления. В пособии «Основы марксизма-ленинизма», изданном в 1959 году (призванном заменить «Краткий курс» и уже через год вышедшем тиражом 1,3 млн экземпляров), эмпирическая социология предавалась привычной анафеме — как за связь с неопозитивизмом, так и за то, что «научность сводится у них

к простому описанию единичных фактов» [Основы марксизма-ленинизма, 1959, с. 157], а тематика исследований ограничивается «изучением отдельных, частных случаев и уходом от общих, коренных проблем». Даже в 1963 году, в сборнике «Вопросы организации и методики конкретно-социологических исследований», изданном кафедрой диалектического и исторического материализма Института повышения квалификации преподавателей общественных наук при МГУ, сохранялась та же риторика. В первой статье Г. Штракса «буржуазная социология» обвинялась в том, что ее цель — «отвлечь трудящихся от борьбы за революционное разрешение коренных проблем современности в сторону узких и путаных тропок мещанского индивидуализма» [Вопросы организации и методики, 1963, с. 6]. При этом утверждалось, что «своиственные ревизионизму противопоставления исторического материализма как «чистой теории» конкретным социальным исследованиям представляют собой форму борьбы ревизионистов против марксистской социологии» [Вопросы организации и методики, 1963, с. 6]. Далее следовало смелое заявление: «В период культа личности Сталина изучение фактов жизни социалистического общества было не в чести... Ликвидация последствий культа личности создала исключительно благоприятные условия для творческого исследования всех явлений и сторон жизни социалистического общества... Значение конкретных социологических исследований особо возрастает в период развернутого строительства коммунизма» [Вопросы организации и методики, 1963, с. 7]. Там же автор честно оговаривал позицию: «Конкретно-социологические исследования не представляют собой какой-то особой отрасли знания... Они играют служебную роль, обслуживая исторический материализм». Сам по себе сборник — интереснейший документ эпохи. Наряду с уже упомянутой статьей Г. Штракса и методологически слабой статьей по статистике под руководством Г. Осипова, в нем представлены вполне содержательные работы Г. Андреевой, Л. Когана, Б. Грушина и В. Ядова, что делает этот сборник своеобразным слепком переходного периода в развитии советской социологии.

Сокращение социологических исследований с начала 1930-х годов имело, скорее всего, не столько идеологическую,

сколько финансовую природу. В период форсированной индустриализации произошло как общее сокращение затрат на науку в СССР (с 0,5–0,6% ВВП в 1920-е годы до 0,26–0,37% в 1930-е), так и их перераспределение в пользу геологической разведки, инженерных и оборонных разработок, технологий производства. Гуманитарный сектор при этом был в основном ограничен решением образовательных задач. Это неизбежно привело к сужению тематики исследований. Выпуск литературы по социологической тематике в 1930-е годы сократился вдвое по сравнению с 1920-ми (по данным электронного каталога РГБ), а после выхода «Краткого курса истории ВКП(б)» в 1938 году и последовавшего пересмотра всей идеологически ориентированной литературы — еще втрое.

В послевоенный период выпуск социологической литературы начал постепенно расти — пропорционально общему росту книгоиздания. С 1946 года в Институте философии АН СССР существовала группа по истории социологических учений под руководством М.П. Баскина. Уже в 1948 году М.Д. Каммари ставил вопрос о схоластичности диссертаций, об отсутствии в них фактов, обвиняя авторов в том, что они «не попытались сами изучить эти процессы на месте». В 1950 году была опубликована статья Ф. В. Константинова «Против догматизма и начетничества», где он прямо призывал обратиться к изучению непосредственной практики. Заботливо подстилая соломку, автор предусмотрительно оговаривался: «Но, скажут, не угрожает ли это нам другой опасностью: в борьбе с абстрактностью, догматизмом, талмудизмом впасть в ползучий эмпиризм?» Однако это сомнение легко преодолевалось указанием на необходимость применять «марксистский, диалектический метод» и использовать «десятки и сотни частных исследований <...> для более широких теоретических обобщений».

Систематическая работа по возвращению в советскую социологию эмпирических исследований началась в 1955 году, когда в № 6 журнала «Вопросы философии» была опубликована статья академика В. С. Немчинова «Социология и статистика». В ней он утверждал, что «социально-экономическая статистика является самостоятельной общественной наукой». «Многообразие совместно существующих индивидуумов,

из которых складываются массовые процессы, статистика изучает с точки зрения определения общих итоговых результатов этих массовых процессов и установления количественных закономерностей взаимодействия индивидов друг с другом в процессе сосуществования». Ее методы, по Немчинову, «состоят из своеобразного сочетания таких приемов исследования, как сплошные и выборочные наблюдения, числовая выкладка, категорическое исчисление (группировка и счет по категориям) и обобщающие показатели (средние, относительные величины, индексы и т. д.)». При социализме, заключал академик, «социологи и экономисты превращаются в своеобразных “социальных инженеров”, призванных обеспечивать бесперебойное функционирование общественной жизни и неуклонное улучшение условий существования членов общества» [Немчинов, 1955, с. 28]. С точки зрения статистики он призывал шире использовать выборочные исследования.

В следующем, 1956 году, в 5-м номере «Вопросов философии» было опубликовано сразу три статьи: Ю. А. Арбатова «Об эмпирической тенденции в современной буржуазной социологии», В. С. Семенова «Буржуазные социологи в роли “общественных консультантов”» и перевод из польского журнала статьи З. Баумана «Социальные исследования, но какие?». Ключевой, безусловно, является статья будущего академика Арбатова [Арбатов, 1956, с. 205–215]. В ней он констатирует «широкое распространение конкретных, основанных на непосредственных эмпирических данных исследований тех или иных частных, нередко чисто прикладных общественных проблем». Подчеркивается, что «эмпирическая социология <...> воплощая в себе идеологию реформизма, неустанно, на разные лады сея иллюзии о возможности постепенного решения многих социальных проблем, не затрагивая в то же время основ капиталистического строя» [Арбатов, 1956, с. 207]. Высмеиваются работы по социальной географии, книги А. Кинси о сексуальном поведении, исследования социальной стратификации, достается и социометрии Морено. Однако далее автор делает знаменательное признание: «К сожалению, на протяжении значительного времени наши общественные науки, включая исторический материализм, почти не занимались такого рода исследованиями, что привело к недопустимо-

му отрыву от практики и в значительной мере способствовало распространению догматизма и начетничества. Однако, как убедительно показал XX съезд партии, мы отнюдь не считаем подобное положение нормальным. Широкое развитие конкретных социологических исследований, не говоря о пользе, которую оно принесет практике, окажет благотворное влияние и на теоретическую работу в области общественных наук» [Арбатов, 1956, с. 210]. Проводниками этой благотворной идеи, по мнению автора, стали социологи ГДР и Польши. Особый интерес представляет пассаж: «Вопрос о целесообразности конкретных социальных исследований едва ли является дискуссионным, однако он, тем не менее, требует обсуждения как в отношении тематики этих исследований, так и в отношении организации и методики работы» [Арбатов, 1956, с. 210]. Далее следует пространный перечень возможных направлений таких исследований, составленный авторами, что называется, от души — широко и с охватом всего, что только можно было вообразить.

В 1957 году была опубликована статья восточногерманского ученого Юргена Кучинского «Социологические законы», размещенная с примечательной пометкой «печатается в порядке обсуждения». В ней предлагалось разделить проблематику социологии и исторического материализма. В последующие годы развернулась дискуссия, в рамках которой под сомнение ставились как эмпирические исследования в целом, так и выборочный метод в частности. Однако риторика о возможности развития социологии и социологической проблематики как самостоятельного, вне исторического материализма, направления исследований стала устойчивой.

При обсуждении вопроса о социологических исследованиях часто возникает понятийная путаница. Смешиваются, с одной стороны, различные «отраслевые» социологические исследования, которые порой трудно отличить от статистических, маркетинговых и тому подобных изысканий, а с другой — массовые опросы общественного мнения. Если первые своими корнями уходят в глубь веков, то вторые в их современном виде ведут отсчет с 20 октября 1935 года, когда были опубликованы результаты первого опроса Джорджа Гэллэпа. «Отраслевые» опросы в 1930–1950-е годы проводились

и в СССР. Газеты и журналы публиковали анкеты в огромных количествах (некоторые из них имеются в моей коллекции). С 1942 года советская почта вела постоянное исследование качества доставки и обслуживания (форма № 125, используемая до сих пор, — на телеграфе аналогичная форма применялась еще с дореволюционных времен). Таких исследований было немного, они касались частных вопросов, их результаты редко публиковались, но они проводились. Опросы Гэллапа были в СССР хорошо известны. Сообщения об их результатах регулярно появлялись в печати начиная с апреля 1936 года («Вечерняя Москва» 14 апреля, «Правда» 15 апреля 1936 года — о «пробном голосовании» в преддверии президентских выборов в США). Публиковались и технические подробности: «Опросы, регулярно проводимые «Институтом общественного мнения», охватывают, по выборочному методу, разные слои населения США на всем протяжении американской территории» («Известия», 1942, № 196). В послевоенный период в сообщениях об опросах общественного мнения за рубежом могло указываться, например, что «Итальянский институт Докса, “исследующий” общественное мнение по рецептам американского института Гэллапа» («Правда», 23 марта 1954, № 82). То есть методика была известна, однако особого интереса к ее применению в СССР не возникало. Причины тому были как технические, так и, по-видимому, содержательные: аналогичную социологическую информацию советские власти получали из иных источников — из отчетов органов безопасности, составленных на основе донесений секретных сотрудников (сексотов) и перлюстрации (в 1941–1945 годах — цензуры) почтово-телеграфной корреспонденции.

Озабоченность общественным мнением существовала у советской власти с первых дней ее существования. Уже 28 октября 1917 года Петроградский комитет РСДРП(б) разослал по районам анкеты об отношении масс к перевороту [Яров, 1992, с. 539], собирались доклады агитаторов о положении на местах. С конца 1918 года Информационно-организационный (с начала 1920-го — Информационно-статистический) отдел ЦК стал составлять регулярные сводки о партийной жизни в провинции, значительное место в них уделялось настроением населения. В 1919 году в Петрограде были попытки ежене-

дельного анкетирования членов партии «по вопросам общего состояния работы на предприятии, учреждении, настроения рабочих и служащих». С декабря 1920 года в ЦК уже составлялись ежемесячные доклады и докладные записки по сводкам из губерний, включавшие вопрос «Настроение населения». В сентябре 1919 года был создан Отдел особой информации Совнаркома, ВЦИК и ЦК РКП при РОСТА. Заведующим иногородними отделами РОСТА предписывалось сообщать «отношение населения к Советской власти, <...> все яркие сведения политической и общественной жизни». Сводки отдела рассылались примерно по 20 адресам — высшим партийным и государственным деятелям. Свои сводки предоставляли Наркомат по военным делам, его политорганы, политуправления на транспорте, Продармия и другие структуры.

С осени 1921 года основным источником информации о «настроении населения, рабочих, крестьян, красноармейцев, служащих, отношении к текущим событиям, основным декретам центра» должны были стать партийные ячейки на предприятиях, обязанные предоставлять информацию раз в две недели. Однако вскоре сведениям от партячек перестали доверять: с одной стороны, они пытались приукрасить положение дел, поскольку сами за него отвечали, с другой — ячейки существовали далеко не везде. Поэтому очень быстро основным источником информации об общественных настроениях в 1920–1950-е годы стали информационные сводки ОГПУ/НКВД/НКГБ/КГБ, формировавшиеся на основе агентурных данных (в отдельные периоды плотность секретных сотрудников на крупных предприятиях и в армии достигала 1:150) и перлюстрации почтовой корреспонденции. Сведения от сексотов использовались преимущественно на местном уровне и попадали в итоговые сводки только в случае опасений серьезных последствий. Данные перлюстрации, помимо оперативного использования на местах, агрегировались. Именно перлюстрация была одним из основных источников информации о позициях интеллигенции, студентов, религиозных групп, имевших активные заграничные контакты (в том числе коллекционеров), жителей Москвы, а в 1939–1941 годах — населения присоединенных территорий. Контроль за этими менее формально организованными группами в 1919–1959 годах осуществлялся

путем перлюстрации внутренней почтово-телеграфной корреспонденции, тогда как тотальный контроль за зарубежной перепиской продолжался вплоть до 1968 года. Наиболее полное описание перлюстрации внутренней и международной корреспонденции в СССР принадлежит Дэвиду Скиптону и Стиву Волису, опубликовавшим в 2016 году фундаментальный труд на эту тему, а в 2020 году — не менее объемное дополнение [Skipton, Volis, 2016, 2020]. Их работа продолжается, результаты публикуются в том числе в филателистических журналах. Поскольку исследование носит филателистический характер, при всей полноте описания организационных и технических аспектов перлюстрации основное внимание авторы уделяют стеганографическим штемпелям, штампам и цензурным грифам на почтовых отправлениях, а не содержанию отчетов перлюстраторов и цензоров.

В Малой Советской Энциклопедии статья «Перлюстрация» присутствует, и в ней, в частности, сообщается, что это явление «широко применявшееся Департаментом полиции в царской России. П. является также излюбленным приемом контрразведки капиталистических стран» [Малая советская энциклопедия, 1939]. Сама же тема перлюстрации в СССР была как бы блуждающей: термин отсутствовал в первом (1940) и третьем (1975) изданиях Большой Советской Энциклопедии, но присутствовал во втором (1954) и в Советском энциклопедическом словаре; не было его и в Советской исторической (1961–1976) и Советской военной энциклопедии (1976–1980). В публикациях на тему цензуры в СССР царит постоянная терминологическая путаница. Смешиваются: «цензура» литературы, газет и прочей печатной продукции, осуществлявшаяся Главлитом; «военная цензура», проводившаяся военными ведомствами в целях сохранения военной тайны дополнительно к Главлиту (а для изданий вооруженных сил — полностью); просмотр почтово-телеграфной корреспонденции с простановкой грифов «Просмотрено военной цензурой», осуществлявшийся НКВД/НКГБ в 1941–1945 годах (а на части корреспонденции — до 1953 года); и, наконец, собственно перлюстрация — тайный просмотр корреспонденции, проводившийся органами госбезопасности без нанесения каких-либо грифов или с использованием стеганографических

помет на протяжении всей истории Советской власти. Деятельность Главлита и военной цензуры была публичной: соответствующая информация с указанием номера разрешения помещалась в выходных данных всей печатной продукции большую часть советского периода — вплоть до иллюстрированных почтовых конвертов и открыток. Термин «цензура почтовой корреспонденции» уместно применять к периодам публично проводимого просмотра (например, всегда цензурировалась корреспонденция заключенных) либо к особым периодам. «Перлюстрация» же была тайной и всегда незаконной, хотя решения о ней принимались на самом высоком государственном уровне. Ошибки в употреблении соответствующих терминов встречаются повсеместно — даже у признанных авторитетов в изучении истории цензуры в России. Представление о единой системе «военной цензуры» и просмотра почтовой корреспонденции в период Великой Отечественной войны стало едва ли не стандартным, хотя на деле они осуществлялись разными ведомствами и преследовали разные цели.

Практика составления «социологических» обзоров на основе цензурирования корреспонденции сформировалась еще при «старом режиме», не позднее 1916 года, когда военно-цензурные отделения начали регулярно составлять отчеты о настроениях в воинских частях¹. При создании советской военной цензуры в декабре 1918 года в круг ее задач был включен пункт «просмотр международных и, по мере надобности, внутренних почтовых отправок и телеграмм»². Стоит отметить, что на момент издания документа международный почтовый обмен Советской России был практически прекращен, однако сама норма прямо воспроизводила порядок, установленный в России в период Первой мировой войны: цензура международной корреспонденции и выборочная цензура внутренней.

¹ 1916 г. октября 18. — Из отчета военно-цензурного отделения штаба 6-й армии о настроении воинских частей с 25 сентября по 10 октября 1916 г. // ЦГВИА, ф. 2031, оп. 1, д. 1184. лл. 484-486. Ссылка: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/452050#mode/inspect/page/1/zoom/4>.

² Приказ РВСР № 436 от 23.12.1918. Ссылка: <https://istmat.org/node/32078>.

В инструкциях, принятых в августе 1919 года для цензоров почтовых контор, предписывалось вносить в меморандумы сведения о «настроении части в политическом и служебном отношении», «культурно-просветительской работе», а письма, содержащие «слухи сенсационного панического характера» или «жалобы на бедственное положение в деревне, если оно рисуется в явно сгущенных красках», подлежали конфискации.

После окончания Гражданской войны органы военной цензуры были переподчинены отделу политконтроля ГПУ, образованному 21 декабря 1921 года. В проекте «Положения о военно-политической цензуре ГПУ», предусматривавшем преобразование военной цензуры в политическую, среди задач значился «просмотр по содержанию почтово-телеграфной корреспонденции» и «депеш» (за исключением военных, имевших гриф секретности). Положение пока не ставило перед политконтролем собственно социологических задач: он должен был предотвращать распространение секретной и антисоветской информации. В перечень такой информации входили и сюжеты, которые можно назвать социологическими (например, «сведения о резко отрицательном политическом настроении красноармейских частей»), однако сами письма еще не рассматривались как источник для обобщенных «социологических» сводок о настроениях. После восстановления международного почтового обмена советская почта столкнулась с проблемой: иностранные почтовые администрации отказывались принимать корреспонденцию со следами вскрытия. Этот вопрос стал предметом рассмотрения Политбюро 21 сентября 1922 года. В качестве «решения» Политбюро отказалось от идеи перевода перлюстрации в публичную цензуру и потребовало «повысить качество и тщательность работы», для чего предписывалось привлечь старых специалистов. Одновременно устанавливалось, что ГПУ приняло меры «к некоторому сокращению объема просматриваемой корреспонденции». При этом сами пункты политконтроля продолжали действовать в почтовых учреждениях 120 городов РСФСР. После относительного спада активности политконтроля в 1923–1926 годах (вызванного прежде всего общим сокращением финансирования ОГПУ) последовал новый виток.

С 1927 года, во исполнение решения Политбюро от 12 мая 1927 года, перлюстрация стала осуществляться с новой силой, и к рубежу 1930-х годов в СССР действовало не менее 200 пунктов перлюстрации почтово-телеграфной корреспонденции. Как сообщает официальный сайт ФСБ, «в начале 1930-х годов служба политконтроля проверяла всю международную и внутреннюю корреспонденцию иностранцев, проживавших на территории СССР, все почтовые отправления, поступившие до востребования, корреспонденцию конкретных лиц по спискам оперативных и других подразделений ОГПУ, в период коллективизации — письма, посланные из сельской местности в армию и на флот, и т. п.»³.

2 февраля 1926 года ЦК ВКП(б) издал циркулярное указание № 1 «Об использовании сводок ГПУ», в котором, в частности, отмечалось: «<...> Имеющиеся в ЦК материалы говорят, что местными партийными и советскими органами недостаточно используются в работе материалы информационных докладов ОГПУ. ЦК указывает на необходимость более внимательного отношения к этим материалам для учета политических настроений масс и устранения отмеченных злоупотреблений» (ДАДНО, ф.7, оп.1, спр.308, арк.20) [Подкур, Ченцов, 2010, с. 312]. Сами сводки иллюстрировались цифровыми данными: указывалось количество писем, из которых сделаны выписки, и процент отрицательных сообщений по отношению к общему объему перлюстрированной корреспонденции данной категории [Подкур, Ченцов, 2010, с. 220]. Основной формой отчетности пунктов перлюстрации были «Обзоры ИНФО ОГПУ». Показателен, например, обзор переписки военнослужащих Московского гарнизона за август 1930 года, составленный на основе прочтения 46 529 документов (в отчетах перлюстрации и цензуры термины «письмо», «почтовая карточка» и т. п. не использовались). Из них: с отрицательным содержанием — 2160 (5%); с положительным содержанием — 592 (1%); личного характера — 43 777 (94%); конфисковано — 292 документа (0,6%). Для сравнения: в июле того же года соотношение было следующим: отрицательных — также 5%,

³ Ссылка: <http://www.fsb.ru/fsb/history/author/single.htm%21id%3D10318105%40fsbPublication.html>.

положительных — 1,2%, личных — 93,8%. Далее в тексте обзора приводились выдержки из писем⁴. В цитируемом документе их немного, однако исследователям известны обзоры, насчитывающие десятки страниц с подобными выдержками.

Устанавливающие документы, регламентировавшие работу политконтроля в 1927–1939 годах, на сегодняшний день исследователям неизвестны. Ситуация осложняется и тем, что в 1934 году ОГПУ было ликвидировано, а функции государственной безопасности переданы НКВД. О деятельности этого периода можно судить главным образом по спецсводкам, которые позволяют определить области интереса спецслужб. Так, из спецсводки «О провокационных сообщениях за границу еврейского населения Украины с целью получения материальной помощи» за февраль–апрель 1935 года (архив СБУ, ф.16, оп.01, д.0030, л. 421–431) следует, что из 22 258 просмотренных писем было конфисковано 9 243 (41,5%). В марте 1941 года из 28 325 писем польского населения западных областей Украины конфисковали 4 235. В этих спецсводках также приводились выдержки из писем, однако сколько-нибудь развернутого анализа в современном смысле слова они не содержали.

С началом Великой Отечественной войны перлюстрация была переведена в публичный цензурный режим. Этому предшествовал короткий эпизод в январе 1940 года, когда цензура вводилась, но быстро вернулись к привычной перлюстрации. С июля 1941 года цензура вводилась в прифронтовой зоне и в переписке военнослужащих; с июля 1942 года цензурированию подвергалась уже вся почтово-телеграфная корреспонденция. При этом работа перлюстрации (в отличие от публичной цензуры с грифами) продолжалась и в военное время — это видно по специальным отметкам на корреспонденции, которые различались у цензоров и перлюстраторов [Дымшиц, 2025, с. 48–49]. К концу войны численность цензоров достигала 25 000 человек; они работали в нескольких сотнях цензурных пунктов в тылу (практически в каждом городе) и на фронте — при военно-почтовых сортировочных пунктах и военно-почтовых базах.

⁴ Обзор № 26/д ИНФО ОГПУ выдержек из деревенских документов, идущих в ОСНАЗ, школу ВЦИК и другие части Московского гарнизона за август 1930 г. 6 сентября 1930 г. // ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 660. Л. 96–99. Ссылка: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/87859>.

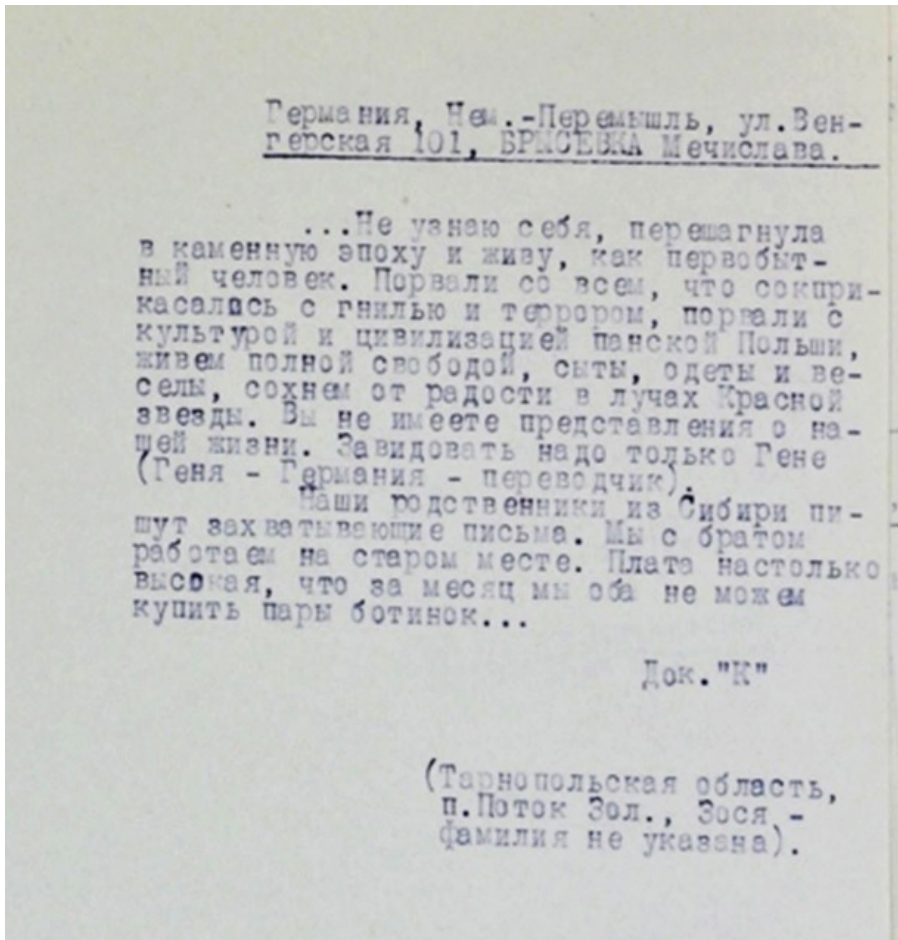

Рис. 1. Образец отчета перлюстрации. Обзор переписки военнослужащих Московского гарнизона за август 1930 г. (фрагмент)

После очередного выделения органов госбезопасности в самостоятельный наркомат в начале 1943 года в «Положении об отделе «В» НКГБ Союза ССР» среди задач значилась седьмая: «Информация руководящих, партийных и советских органов и командования Красной Армии по материалам, полученным в результате контроля корреспонденции». В том же 1943 году была принята «Инструкция по учету информации по материалам военной цензуры», содержащая примерные перечни для регистрации отрицательных высказываний — отдельно для писем военнослужащих и гражданских лиц. Большинство таких высказываний вычеркивалось из корреспонденции;

сама корреспонденция могла конфисковываться (в среднем конфисковывалось менее 1% отправок, хотя в феврале 1942 года из блокадного Ленинграда было конфисковано более 20% писем) и уничтожаться. На основе выявленных материалов могли составляться сообщения для командования частей или территориальных органов власти. Однако для большинства авторов писем выявление подобных высказываний не имело никаких последствий, то есть носило исключительно «социологический», информационно-учетный характер.

Примерный перечень отрицательных высказываний или сообщений об отрицательных фактах и настроениях, встречающихся в личной переписке военнослужащих действующей Красной армии и тыловых частей (из Инструкции «О порядке учета информации по материалам военной цензуры» 5 июня 1943 года):

1. Антисоветские и контрреволюционные высказывания.
2. Антисоветские листовки (Снятие копий и составление меморандумов воспрещается. Такие письма немедленно сдаются старшему группы для оперативного использования).
3. Упаднические настроения: проявление усталости от войны, жалобы на тяжесть службы и т. д.
4. Жалобы на недостаток питания.
5. Жалобы на вещевое довольствие.
6. Сообщения об эпидемических заболеваниях.
7. Жалобы на неудовлетворительную работу медсанбатов и госпиталей.
8. Жалобы на антисанитарию.
9. Факты обмороживания.
10. Факты самострелов (членовредительства).
11. Сообщения о фактах дезертирства, предательства и перехода на сторону врага.
12. Жалобы на командиров и политработников.
13. Сообщения об эпизоотии и падеже конского состава.
14. Сообщения о пребывании в плену.
15. Жалобы на работу органов связи.
16. Жалобы на работу органов военной цензуры.

Примерный перечень отрицательных высказываний или сообщений об отрицательных фактах и настроениях, встречающихся в личной переписке гражданского населения:

1. Антисоветские и контрреволюционные высказывания.
2. Антисоветские листовки (Снятие копий и составление меморандумов воспрещается. Такие письма немедленно сдаются старшему группы для оперативного использования).
3. Сообщения о неполадках в промышленности.
4. Сообщения о неполадках в работе колхозов и совхозов.
5. Сообщения о недочетах в работе транспорта.
6. Сообщения о недостатках в работе советского аппарата.
7. Жалобы на работу органов связи.
8. Жалобы на работу органов военной цензуры.
9. Жалобы семей военнослужащих.
10. Жалобы инвалидов Отечественной войны.
11. Жалобы эвакуированных.
12. Жалобы на материально-бытовые условия.
13. Жалобы на продовольственные затруднения.
14. Жалобы учащихся школ ФЗО и РУ.
15. Жалобы на налоги.
16. Сообщения об эпидемических заболеваниях среди населения.
17. Сообщения об эпизоотии и падеже скота.
18. Сообщения о бандитизме, басмачестве и грабежах.
19. Сообщения о фактах детской беспризорности и преступности.
20. Сообщения о дезертирстве с трудового фронта.
21. Упаднические настроения.

13 мая 1944 года В. Меркулов утвердил «Циркуляр об улучшении качества информации по материалам Военной цензуры». Документ начинался с программного пассажа: «Почтовая переписка, контролируемая органами Военной Цензуры НКГБ СССР, является весьма ценным источником информации о политических настроениях и высказываниях населения». Однако далее следовала жесткая критика существующего положения дел: «Неудовлетворительно поставлена информация по материалам, имеющим наиболее актуальное

значение для той или иной республики (края, области) в текущий момент... Плохо налажена информация о политических настроениях и высказываниях населения». В циркуляре отмечалось, что информационные сводки не содержат данных о количестве сообщений, отмеченных по тому или иному вопросу, без чего невозможно определить степень значимости, а выдержки из писем часто неконкретны и нетипичны. Циркуляр предписывал начальникам отделов «В» помимо информации, предусмотренной Инструкцией 1943 года, информировать по наиболее актуальным вопросам, находящим отражение в переписке населения, и организовать информацию таким образом, чтобы она отражала положение в отдельных районах республики, края, области, а также на отдельных наиболее крупных и важных предприятиях.

В дальнейшем издавались различные дополнения, регламентировавшие регистрацию и порядок действий при выявлении тех или иных тем. Так, 24 июля 1943 года было разослано распоряжение о конфискации как анонимных, так и подписанных писем, содержащих сообщения об аморальном поведении в быту жен и близких родственников военнослужащих; выявленные письма предписывалось пересылать по территориальной принадлежности для проверки возможных случаев провокаций. В октябре 1943 года было предписано конфисковывать письма с отрицательными высказываниями по поводу сокращения хлебных норм, введенного с 21 ноября того же года. Однако письма, в которых о сокращении норм лишь сообщалось (даже если такие сообщения сопровождалось антисоветскими или политически нежелательными высказываниями), предписывалось пропускать.

15 ноября 1944 года вышло письмо «О мероприятиях по письмам членов семей военнослужащим в адрес командования воинских частей Красной Армии», которым предписывалось конфисковывать письма с жалобами и пересылать их местным властям. Если же письмо помимо жалоб содержало запрос на тот или иной документ, оно также конфисковывалось, но дополнительно командованию части направлялся соответствующий запрос. В январе 1945 года было разослано распоряжение об изъятии из писем всех фотографий инвалидов; изъятие предписывалось регистрировать — на случай

возможных жалоб об утере. В марте 1945 года было указано, что на сведения военного характера, касающиеся союзных английских и американских вооруженных сил, распространяются нормы о военной тайне.

В справке «О проделанной работе Военной цензурой НКГБ Украинской ССР» сообщается, что 11 управлениями НКГБ, полностью развернувшими контроль почтово-телеграфной корреспонденции, за февраль 1944 года было просмотрено 6 992 796 писем, в том числе 529 195 — от военнослужащих РККА. Помимо русских и украинских, на местах были прочитаны письма еще на 13 языках, включая немецкий, чешский и польский. Было произведено 92 454 изъятия из писем и 7 520 конфискаций. Учет сообщений велся по 21 пункту. Обращает на себя внимание, что в отчете указано 71 437 сообщений о разглашении военной тайны — то есть почти в 15% писем, однако это сопровождается комментарием: «в большинстве своем не носящих злого умысла». По материалам цензуры было арестовано 15 человек, 418 взято на оперативный учет, 7 завербовано, 4 объявлено в розыск, отправлено 17 263 различных меморандума в райотделы НКГБ (архив СБУ, ф.16, оп.1, д.0553, л. 19–20).

Объем работы цензоров был огромен. Так, с мая 1943 года по декабрь 1945 года отдел «В» УНКГБ по Ленинграду обработал 252 млн единиц корреспонденции, конфисковал 109 тысяч отправлений и сделал выписки для 2,5 млн текстов (СРАФ УФСБ РФ по СПб и области, ф.12, оп.21, п.1, л. 2). За годы войны цензурой в целом было прочитано более 6 млрд писем и 2 млрд телеграмм, причем часть из них — минимум дважды. Двойному прочтению с 1943 года подвергалась корреспонденция, следовавшая в Действующую армию: первый раз — в местном пункте отправления, вторично — на военно-почтовой базе. Кроме того, активно, пусть и выборочно, читали повторно перлюстраторы Москвы и других городов, продолжавшие работать параллельно с цензурой.

На гражданской переписке отметки о прохождении цензуры исчезли во второй половине августа 1945 года, однако сплошное чтение продолжалось до конца 1945 года. С января 1946 года НКГБ вернулось к довоенной практике: выборочному чтению внутренней корреспонденции (около 5%) и сплошному

6. Туркменском	-	485
7. Армянском	-	217
8. Немецком	-	162
9. Удмурдском	-	35
10. Марийском	-	28
11. Азербайджанском	-	21
12. Чешском	-	4
13. Польском	-	2

2. Мероприятия по борьбе с пропуском вредных или нежелательных по содержанию писем.

В процессе контроля почтовой переписки, Военной Цензурой в качестве мер профилактического порядка было изъято текстов из писем, которые не подлежали пропуску по адресу - 92.454, подвергнуто писем конфискации 7.520.

В числе писем подвергнутых изъятию нежелательных, вредных или антисоветских текстов, обратил на себя внимание следующие сообщения, которые были отмечены в переписке гражданского населения:

1. А/с и к-р высказывания	-	20
2. А/с листовки и к-р анонимки	-	189
3. Сообщения о неполадках в промышленн.	-	110
4. Сообщения о неполадках в работе колхозов и совхозов.	-	581
5. Сообщения о недочетах в работе транспорта.	-	58
6. Сообщения о недостатках в работе советского аппарата .	-	265
7. Жалобы на работу органов связи	-	156
8. Жалобы на работу органов "ВЦ"	-	62
9. Жалобы семей военнослужащих	-	1406
10. Жалобы инвалидов отечественной войны	-	51
11. Жалобы эвакуированных	-	121
12. Жалобы на материально-бытовые условия	-	4750
13. Жалобы на продовольственные затруднен.	-	11916
14. Жалобы учащихся школ ЭЗО и РУ	-	568
15. Жалобы на налоги	-	1796
16. Сообщения об эпидемических заболеваниях среди населения	-	630
17. Сообщения об эпизоотии и падеже скота	-	53
18. Сообщения о бандитизме, басмачестве и грабежах.	-	496
19. Сообщения о фактах детской беспризорности и преступности	-	1
20. Сообщения о дезертирстве с трудового фронта.	-	192
21. Упаднические настроения.	-	825.
Итого:		30096

Рис. 2. Справка о проделанной работе Военной цензурой НКГБ Украинской ССР (фрагмент)

В переписке военнослужащих РККА эти сообщения носили несколько другой характер, которые разбиваются так:

1. А/с и к-р высказывания	-	5
2. Антисоветские листовки	-	1
3. Упаднические настроения: проявление усталости от войны, жалобы на тяжесть службы и т.д.	-	81
4. Жалобы на недостаток питания	-	146
5. Жалобы на вещевое довольствие	-	41
6. Сообщения об эпидемических заболеваниях	-	24
7. Жалобы на неудовлетворительную работу медсанбатов и госпиталей	-	52
8. Жалобы на антисанитарию	-	1
9. Факты обморожения	-	3
10. Факты самострелов /членовредит./	-	3
11. Сообщения о фактах дезертирства, предательства, перехода на сторону врага.	-	36
12. Жалобы на офицерский состав	-	6
13. Сообщения об эпизоотии и падеже конского состава.	-	
14. Сообщения о пребывании в плену	-	444
15. Жалобы на работу органов связи	-	1
16. Жалобы на работу органов "ДЦ"	-	1
<u>Итого:</u>		<u>- 845</u>

Значительное количество писем от военнослужащих шло с разглашением военной тайны. Зафиксировано 71.437 сообщений по этому вопросу. Большая часть из них относилась к сообщениям военнослужащими о месте дислокации воинских подразделений, о количестве убитых, раненых и других сведений не подлежащих оглашению, в большинстве своем не носивших злого умысла.

3.0 выявлении органами Военной Цензуры к-р элемента и изменников родины.

На освобожденной территории Украины, Военной Цензурой выявлено 6.065 писем, в которых сообщалось о к-р элементах, а так же о предателях и изменниках родины.

Выявленный к-р элемент и изменники родины по окраскам учета разбиваются следующим образом:

1. Лиц имевших связь с немецкими карательными органами...	121
2. Лиц из немецкой администрации...	14
3. Лиц освобожденных немцами из плена, тюрем и лагерей при подозрительных обстоятельствах.	1243

Рис. 3. Справка о проделанной работе Военной цензурой НКГБ Украинской ССР (фрагмент, продолжение)

чению международной, с составлением соответствующих докладов. В «Инструкции о работе органов политконтроля НКГБ («ПК»)), принятой в конце 1945 года, «выявление политических настроений и откликов различных слоев населения на внутренние и внешние политические события» было официально закреплено как одна из целей политконтроля.

Повсеместная перлюстрация внутренней корреспонденции была прекращена в СССР в 1960 году. «Инструкция по негласному контролю международных и внутрисоюзных почтово-телеграфных отправок», утвержденная приказом Председателя КГБ № 0080 от 1 декабря 1959 года, уже не содержала «социологических» задач: перлюстрация осуществлялась только в оперативных целях и была ограничена наблюдением за 400–500 человеками на один пункт цензуры, причем задание на конкретное лицо действовало лишь полгода. Перлюстрация международной корреспонденции продолжалась до 1968 года, при этом на учет брались все, кто вел международную переписку; некоторое послабление могло делаться для корреспондентов из социалистических стран.

То, что подобная «перлюстрационная социология» создавала весьма искаженное представление о действительности, было осознано довольно быстро. Так, первый секретарь Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) А. А. Андреев на пленуме ЦК в апреле 1929 года поставил под сомнение достоверность сводок ОГПУ. Он, в частности, сказал: «Нельзя изучать политического положения по сводкам ГПУ. ГПУ создано для того, чтобы искать и показывать самое плохое и неблагоприятное в нашей стране, и, если мы будем свою политику строить только на основе сводок ГПУ, мы всегда будем в состоянии паники, это совершенно ясно, всегда будут у нас волосы дыбом стоять» [Индустриализация Советского Союза, 1997, с. 253]. Однако, несмотря на эту пронизательную оценку, практика продолжалась. И хотя большинство писем носило исключительно частный характер, адресаты подобных сводок, как известно, склонны реагировать прежде всего на негативную информацию, часто не будучи в состоянии корректно интерпретировать приводимые данные. По всей видимости, многолетнее чтение сводок результатов перлюстрации вносило свой вклад в паранойю советской власти.

«УТВЕРЖДАЮ»

Народный Комиссар Государственной
Безопасности Союза ССР
генерал армии

В. МЕРКУЛОВ

31 декабря 1945 года.

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

Хранить как шифр

ИНСТРУКЦИЯ О РАБОТЕ ОРГАНОВ ПОЛИТКОНТРОЛЯ НКГБ («ПК»)

1. Цели и задачи «ПК»

1. Негласный контроль почтово-телеграфной корреспонденции населения «ПК» осуществляется в целях:

а) выявления характера переписки и связей лиц, находящихся под агентурным наблюдением органов НКВД, НКГБ, Контрразведки «Смерш» НКО и Контрразведки «Смерш» НКВМФ;

б) обнаружения возможной антисоветской, шпионской, провокационной и иной преступной и политически вредной переписки как явной, так и тайной (шифрованной, написанной тайнописью и т. д.);

в) недопущения распространения антисоветских документов (листовки, воззвания, анонимки и т. п.) и антисоветской литературы во всех ее видах;

г) недопущения разглашения военных и государственных тайн в почтовой переписке;

д) пресечения всякой иной возможности использования почтово-телеграфной переписки во вред государственным интересам Советского Союза;

е) выявления политических настроений и откликов различных слоев населения на внутренние и внешние политические события.

2. На органы «ПК» возлагается:

а) отборка почтово-телеграфной корреспонденции по заданиям органов НКГБ, НКВД, Контрразведки «Смерш» НКО и Контрразведки «Смерш» НКВМФ;

б) негласный просмотр всей входящей и исходящей международной почтово-телеграфной корреспонденции;

в) выборочный негласный просмотр внутрисоюзной почтовой корреспонденции;

2

Михаил Дымшиц
Перлюстрационная советская социология 1922–1959 гг.

97

Рис. 4. Инструкция о работе органов политконтроля НКГБ («ПК»), 1945 г. (фрагмент)

Существует немало публикаций, использующих данные отчетов цензуры 1941–1945 годов для описания настроений населения в период Великой Отечественной войны на тех или иных территориях. Часть из них написаны в жанре

истории спецслужб, другая — с позиций социальной истории. Примером наиболее полноценного социологического анализа материалов цензуры служит серия публикаций профессора, генерал-лейтенанта ФСБ В. С. Христофорова в соответствующих главах серии «Великая Отечественная война», изданной в 2011–2015 годах [Христофоров, 2011, 2012, 2013, 2014, 2015].

На мой взгляд, включение документов перлюстрации и цензуры 1922–1959 годов в сферу интересов российских социологов, интеграция этого периода в историю социологии и использование доступной информации в различных синхронических и диахронических исследованиях российского общества позволят узнать и осознать новые аспекты общественной жизни в указанные годы. Сами по себе документы перлюстрации и цензуры представляют собой чрезвычайно интересный корпус источников, демонстрирующий эволюцию социологических представлений как органов безопасности, так и руководителей СССР.

Литература

1. Арбатов, Ю. А. Об эмпирической тенденции в современной буржуазной социологии // Вопросы философии. 1956. № 5. С. 205–215.
2. Большая советская энциклопедия. Т. 52: Сознание — Стратегия / Гл. ред. О. Ю. Шмидт. М.: Советская энциклопедия, 1947.
3. Вопросы организации и методики конкретно-социологических исследований / Ин-т повышения квалификации преподавателей обществ. наук при Моск. гос. ун-те им. М. В. Ломоносова, Кафедра диалект. и ист. материализма; под ред. Г. К. Ашина и др. М.: Росвузиздат, 1963.
4. Горшков, М. К. Социология в России: становление и развитие // Социологическая наука и социальная практика. 2017. Т. 5. № 2. С. 7–29.
5. Дмитриев, А. В., Иванов, В. Н., Тоценко, Ж. Т. Так как все же было на самом деле? К истории возрождения социологической науки в СССР // Социологические исследования. 2018. № 11. С. 134–144.
6. Докторов, Б. З. Не возрождение, но второе рождение // Социологические исследования. 2023. № 11. С. 151–156.
7. Дымищ, М. Военная корреспонденция и военно-полевая почта РККА в 1921–1945 гг. Грифы перлюстрации и цензуры воинской корреспонденции. М., 2025.
8. Зборовский, Г. Е. О периодизации истории отечественной социологии // Социологический журнал. 2015. Т. 21. № 1. С. 101–124.

9. Измозик, В. С. Глаза и уши режима: Государственный политический контроль за населением советской России. СПб.: Изд-во Санкт-Петербург. ун-та экономики и финансов, 1995.
10. Измозик, В. С. Государственный политический контроль за населением советской России (1917–1928). СПб.: СПбГУТ, 2021.
11. Индустриализация Советского Союза. Новые документы. Новые факты. Новые подходы: В 2 ч. Ч. I. М., 1997.
12. История становления советской социологической науки в 20–30-е годы: сб. ст. / АН СССР, Ин-т социологии; Под ред. З. Т. Голенковой, В. В. Витюк и др. М.: Ин-т социологии, 1989.
13. Капто, А. С. Социологический ренессанс: о том, как на самом деле это было и как не было. М.: Издательство «У Никитских ворот», 2018. 656 с.
14. Козлова, Л. А. Послереволюционная российская социология: неудавшаяся попытка советизации // Социологические исследования. 2016. № 12. С. 105–113.
15. Ленин, В.И. Обнищание в капиталистическом обществе // Ленин, В. И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 18. М.: Политиздат, 1968. С. 405–406.
16. Малая советская энциклопедия. 2-е изд. Т. 8: Нормандия — Парагвай / Гл. ред. Н. Л. Мещеряков. М.: Советская энциклопедия, 1939.
17. Малая советская энциклопедия. 2-е изд. Т. 9: Революция — Срочные / Глав. ред. Н. Л. Мещеряков. М.: Советская энциклопедия, 1941.
18. Маркс, К. Капитал: критика политической экономии. Т. 1. Кн. 1: Процесс производства капитала. М.: Госполитиздат, 1953.
19. Немчинов, В. С. Социология и статистика // Вопросы философии. 1955. № 6. С. 19–30.
20. Осипов, Г. В. Возрождение социологии в России. Как это было на самом деле // Социологические исследования. 2008. № 6. С. 5–21.
21. Осипов, Г. В. Возрождение социологии в России. М., 2012.
22. Основы марксизма-ленинизма: учебное пособие. М.: Госполитиздат, 1959.
23. Подкур, Р., Ченцов, В. Документы органов государственной безопасности УССР 1920–1930-х годов: источниковедческий анализ. Тернополь, 2010.
24. Совершенно секретно: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.): сб. док. : в 10 т. / Ин-т рос. истории РАН, Центр. архив ФСБ РФ, Науч. совет РАН «История международных отношений и внешней политики России», Науч. совет РАН по истории соц. реформ, движений и революций, Комис. историков России и Финляндии, АН Финляндии, Фонд Дом наук о человеке (Франция); отв. ред. А. Н. Сахаров, В. С. Христофоров. М.: ИРИ РАН, 2001–2017.
25. Социальный облик колхозной молодежи. По материалам социологических обследований 1938 и 1969 гг. М.: Мысль, 1976.
26. Социальный облик рабочей молодежи: По материалам социол. обслед. 1936 и 1972 гг. М.: Мысль, 1980.
27. Социология в России / под ред. В. А. Ядова. 2-е изд., перераб. и дополн. М.: Издательство Института социологии РАН, 1998.

28. Тощенко, Ж. Т. Эволюция идей советской / российской социологии (1950–2010-е годы) // Управление наукой: теория и практика. 2021. Т. 3. № 2. С. 161–184.
29. Христофоров, В. С. Великая Отечественная война. 1944 год: Исследования, документы, комментарии. М., 2014.
30. Христофоров, В. С. Общественные настроения в СССР // Великая Отечественная война. 1941 год: исследования, документы, комментарии. М., 2011. С. 445–478.
31. Христофоров, В. С. Общественные настроения в СССР // Великая Отечественная война. 1942 год: исследования, документы, комментарии. М., 2012. С. 195–203.
32. Христофоров, В. С. Общественные настроения в СССР // Великая Отечественная война. 1943 год: исследования, документы, комментарии. М., 2013. С. 247–286.
33. Христофоров, В. С. Общественные настроения в СССР: Великая Отечественная война. 1945 год: исследования, документы, комментарии. М., 2015. С. 315–356.
34. Яров, С. В. Кронштадтский мятеж в восприятии петроградских рабочих // Звенья: Исторический альманах. Вып. 2. М.; СПб., 1992. С. 538–554.
35. Skipton, D. M., Volis, S. Soviet Clandestine Mail Surveillance 1917–1991. 2016. 554 p.
36. Skipton, D. M., Volis, S. Soviet Clandestine Mail Surveillance 1917–1991. Vol. 2. 2020. 497 p.

Mikhail Dymshits

Informant-based and mail-tampering (perlustration) soviet sociology of 1922–1959

Mikhail N. Dymshits, CEO of a marketing consulting company
“Dymshits and Partners”, Moscow, Russia

ORCID: 0009-0002-0638-8213

Email: mdymshits@dnп.ru

Abstract

This article examines the history of Soviet sociology in the 1920–1950s, as well as its interpretation and influence in subsequent decades. The author challenges the claims regarding the absence of concrete sociological research in the USSR during the 1930s–1950s, providing examples of published studies. The article proposes considering the reports of state

security agencies as a valuable sociological source. These documents were based on the accounts of secret informants (sec-sots) and the perustration of postal correspondence. Such observations were selective in nature during 1922–1941 and 1946–1959 but became total (comprehensive) during 1941–1945; the perustration of international correspondence remained total until 1969.

From a sociological perspective, the work of secret informants can be regarded as an analog of the “participant observation” method, while perustration effectively employed content analysis methods, including the use of special coding instructions. The surviving reports of perustrators and censors are unique documents that reflect the state of public opinion in the USSR during the specified period. The author proposes to distinguish a special — “secret informant and perustration” — period of research in the history of Soviet sociology.

Keywords: history of Soviet sociology, censorship, military censorship, perustration, public opinion research methods, concrete sociological research, historical materialism, content analysis, state security agencies, Cheka, OGPU, NKVD, NKGB, KGB, written postal correspondence

For citation: Dymshits, M.N. (2026). Perlyustratsionnaya sovetskaya sotsiologiya 1922-1959 [Informant-Based and Mail-Tampering (Perustration) Soviet Sociology of 1922–1959]. *Sotsiologiya zaboty [Russian Sociology of Care]*. Vol. 1. No. 2. P. 73–104. (In Russ.)

References

1. Arbatov, Yu.A. (1956). Ob empiricheskoy tendentsii v sovremennoy burzhuaznoy sotsiologii [On the empirical tendency in contemporary bourgeois sociology]. *Voprosy filosofii [Problems of Philosophy]*. No. 5. P. 205–215. (In Russ.)
2. Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya [Great Soviet Encyclopedia]. (1947). Vol. 52: Soznanie — Strategiya [Consciousness — Strategy]. O.Yu. Shmidt (Ed.). Moscow: Sovetskaya entsiklopediya. (In Russ.)
3. Dmitriev, A.V., Ivanov, V.N., Toshchenko, Zh.T. (2018). Tak kak vse zhe bylo na samom dele? K istorii vrozhdeniya sotsiologicheskoy nauki v SSSR [How Did It Really Happen? On the History of the Revival of Sociological Science in the USSR]. *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]*. No. 11. P. 134–144. (In Russ.)
4. Doktorov, B.Z. (2023). Ne vrozhdenie, no vtoroje rozhdenie [Not a Revival, But a Second Birth]. *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]*. No. 11. P. 151–156. (In Russ.)

5. Dymshits, M. (2025). Voinskaya korrespondentsiya i voenno-polevaya pochta RKKa v 1921–1945 gg. Grify perlyustratsii i tsenzury voinskoy korrespondentsii [Military Correspondence and Field Post of the Red Army in 1921–1945: Stamps of Mail Interception and Censorship of Military Correspondence]. Moscow. (In Russ.)
6. Gorshkov, M. K. (2017). Sotsiologiya v Rossii: stanovlenie i razvitie [Sociology in Russia: Formation and Development]. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika [Sociological Science and Social Practice]*. Vol. 5. No. 2. P. 7–29. (In Russ.)
7. Industrijalizatsiya Sovetskogo Soyuz. Novye dokumenty. Novye fakty. Novye podkhody [Industrialization of the Soviet Union. New Documents. New Facts. New Approaches]. (1997). In 2 parts. Part 1. Moscow. (In Russ.)
8. Istoriya stanovleniya sovetskoy sotsiologicheskoy nauki v 20–30-e gody [The History of the Formation of Soviet Sociological Science in the 20^s and 30^s]. (1989). Z. T. Golenkova, V. V. Vityuk (Eds.). Moscow: Institute of Sociology, USSR Academy of Sciences. (In Russ.)
9. Izmozik, V. S. (1995). Glaza i ushi rezhima: Gosudarstvennyy politicheskii kontrol' za naseleniem sovetskoy Rossii [Eyes and Ears of the Regime: State Political Control over the Population of Soviet Russia]. St. Petersburg: St. Petersburg University of Economics and Finance Publishing House. (In Russ.)
10. Izmozik, V. S. (2021). Gosudarstvennyy politicheskii kontrol' za naseleniem sovetskoy Rossii (1917–1928) [State Political Control over the Population of Soviet Russia (1917–1928)]. St. Petersburg: SPbGUT. (In Russ.)
11. Kapto, A. S. (2018). Sotsiologicheskii renessans: o tom, kak na samom dele eto bylo i kak ne bylo [Sociological Renaissance: How It Really Happened and How It Did Not]. Moscow: Izdatel'stvo «U Nikitskikh vorot». (In Russ.)
12. Khristoforov, V. S. (2011). Obshchestvennye nastroiya v SSSR [Public Sentiment in the USSR]. In *Velikaya Otechestvennaya voyna. 1941 god: issledovaniya, dokumenty, kommentarii [The Great Patriotic War. 1941: Studies, Documents, Commentaries]*. P. 445–478. Moscow. (In Russ.)
13. Khristoforov, V. S. (2012). Obshchestvennye nastroiya v SSSR [Public Sentiment in the USSR]. In *Velikaya Otechestvennaya voyna. 1942 god: issledovaniya, dokumenty, kommentarii [The Great Patriotic War. 1942: Studies, Documents, Commentaries]*. P. 195–203. Moscow. (In Russ.)
14. Khristoforov, V. S. (2013). Obshchestvennye nastroiya v SSSR [Public Sentiment in the USSR]. In *Velikaya Otechestvennaya voyna. 1943 god: issledovaniya, dokumenty, kommentarii [The Great Patriotic War. 1943: Studies, Documents, Commentaries]*. P. 247–286. Moscow. (In Russ.)
15. Khristoforov, V. S. (2014). Velikaya Otechestvennaya voyna. 1944 god: Issledovaniya, dokumenty, kommentarii [The Great Patriotic War. 1944: Studies, Documents, Commentaries]. Moscow. (In Russ.)
16. Khristoforov, V. S. (2015). Obshchestvennye nastroiya v SSSR [Public Sentiment in the USSR]. In *Velikaya Otechestvennaya voyna. 1945 god: issledovaniya, dokumenty, kommentarii [The Great Patriotic War. 1945: Studies, Documents, Commentaries]*. P. 315–356. Moscow. (In Russ.)
17. Kozlova, L. A. (2016). Poslerevolutsionnaya rossiyskaya sotsiologiya: neudavshayasya popytka sovetizatsii [Post-Revolutionary Russian Sociology: undavshayasya popytka sovetizatsii].

- A Failed Attempt at Sovietization]. *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]*. No. 12. P. 105–113. (In Russ.)
18. Lenin, V. I. (1968). Obnishchanie v kapitalisticheskom obshchestve [The Poverty of the Working Class in Capitalist Society]. In *Polnoe sobranie sochineniy [Complete Works]*. 5th ed. Vol. 18. P. 405–406. Moscow: Politizdat. (In Russ.)
  19. Malaya sovetskaya entsiklopediya [Small Soviet Encyclopedia]. (1939). 2nd ed. Vol. 8: Normandiya — Paragvay [Normandy — Paraguay]. N. L. Meshcheryakov (Ed.). Moscow: Sovetskaya entsiklopediya. (In Russ.)
  20. Malaya sovetskaya entsiklopediya [Small Soviet Encyclopedia]. (1941). 2nd ed. Vol. 9: Revolyutsiya — Srochnye [Revolution — Urgent]. N. L. Meshcheryakov (Ed.). Moscow: Sovetskaya entsiklopediya. (In Russ.)
  21. Marx, K. (1953). Kapital: kritika politicheskoy ekonomii [Capital: A Critique of Political Economy]. Vol. 1. Book 1: Protsess proizvodstva kapitala [The Process of Production of Capital]. Moscow: Gospolitizdat. (In Russ.)
  22. Nemchinov, V. S. (1955). Sotsiologiya i statistika [Sociology and Statistics]. *Voprosy filosofii [Problems of Philosophy]*. No. 6. P. 19–30. (In Russ.)
  23. Osipov, G. V. (2008). Vozrozhdenie sotsiologii v Rossii. Kak eto bylo na samom dele [The Revival of Sociology in Russia. How It Actually Happened]. *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]*. No. 6. P. 5–21. (In Russ.)
  24. Osipov, G. V. (2012). Vozrozhdenie sotsiologii v Rossii [The Revival of Sociology in Russia]. Moscow. (In Russ.)
  25. Osnovy marksizma-leninizma [Fundamentals of Marxism-Leninism]. (1959). Moscow: Gospolitizdat. (In Russ.)
  26. Podkur, R., Chentsov, V. (2010). Dokumenty organov gosudarstvennoy bezopasnosti USSR 1920–1930-kh godov: istochnikovedcheskiy analiz [Documents of the State Security Agencies of the Ukrainian SSR in the 1920^s–1930^s: A Source Study Analysis]. Ternopol. (In Russ.)
  27. Skipton, D. M., Volis, S. (2016). Soviet Clandestine Mail Surveillance 1917–1991.
  28. Skipton, D. M., Volis, S. (2020). Soviet Clandestine Mail Surveillance 1917–1991. Vol. 2.
  29. Sovershenno sekretno: Lubyanka — Stalinu o polozhenii v strane (1922–1934 gg.) [Top Secret: Lubyanka to Stalin on the Situation in the Country (1922–1934)]. (2001–2017). In *10 vols.* A. N. Sakharov, V. S. Khristoforov (Eds.). Moscow: IRI RAN. (In Russ.)
  30. Sotsial'nyy oblik kolkhoznoy molodezhi. Po materialam sotsiologicheskikh obsledovaniy 1938 i 1969 gg. [The Social Profile of Kolkhoz Youth: Based on Materials from Sociological Surveys of 1938 and 1969]. (1976). Moscow: Mysl'. (In Russ.)
  31. Sotsial'nyy oblik rabochey molodezhi: Po materialam sotsiol. obsled. 1936 i 1972 gg. [The Social Profile of Working Youth: Based on Materials from Sociological Surveys of 1936 and 1972]. (1980). Moscow: Mysl'. (In Russ.)
  32. Sotsiologiya v Rossii [Sociology in Russia]. (1998). V. A. Yadov (Ed.). 2nd ed. Moscow: Izdatel'stvo Instituta sotsiologii RAN. (In Russ.)
  33. Toshchenko, Zh. T. (2021). Evolyutsiya idey sovetskoy / rossiyskoy sotsiologii (1950–2010-e gody) [Evolution of Ideas in Soviet / Russian Sociology (1950^s–2010^s)]. *Upravlenie naukoj: teoriya i praktika [Science Management: Theory and Practice]*. Vol. 3. No. 2. P. 161–184. (In Russ.)

34. Voprosy organizatsii i metodiki konkretno-sotsiologicheskikh issledovaniy [Questions of the Organization and Methods of Concrete Sociological Research]. (1963). G. K. Ashin et al. (Eds.). Moscow: Rosvuzizdat. (In Russ.)
35. Yarov, S. V. (1992). Kronshtadtskiy myatezh v vospriyatii petrogradskikh rabochikh [The Kronstadt Rebellion in the Perception of Petrograd Workers]. *Zven'ya: Istoricheskiy al'manakh [Links: Historical Almanac]*. Vol. 2. P. 538–554. Moscow; St. Petersburg. (In Russ.)
36. Zborovsky, G. E. (2015). O periodizatsii istorii otechestvennoy sotsiologii [On the Periodization of the History of Russian Sociology]. *Sotsiologicheskiy zhurnal [Sociological Journal]*. Vol. 21. No. 1. P. 101–124. (In Russ.)